

18+

Диана Пешкова

Ешкин серафим!

Роман-терапия о том,
как пережить развод
и не потерять свои крылья

Диана Пешкова
Ешкин Серафим

«Издательские решения»

Пешкова Д.

Ешкин Серафим / Д. Пешкова — «Издательские решения»,

«Ёшкин Серафим!» — роман-терапия о том, как пережить развод и вновь обрести себя. Анна — психолог, мама и женщина, чья жизнь рушится после ухода мужа. Через боль, потери, мистические открытия и внутренние трансформации она учится отпускать прошлое и расправлять крылья. Эта история для тех, кто собирал себя заново после предательства и расставания. Продолжить собственный путь исцеления поможет нейро-марафон «Точка Сборки»

© Пешкова Д.

© Издательские решения

Содержание

Том 1: «Иллюзорный кофе и другие странности»	6
Глава 1, в которой я пью кофе и ни о чем не подозреваю	6
Глава 2 в которой я заболела	8
Глава 3, в которой я делаю выбор в пользу тишины	10
Глава 4, в которой время превращается в дёготь	12
Глава 5, в которой я оказываюсь не в своей комнате	14
Глава 6, в которой я знакомлюсь с куратором и он предлагает мне иллюзорный кофе	16
Глава 7, в которой я знакомлюсь с монстром и он мне не нравится	18
Глава 8, в которой я знакомлюсь с Теей и Кришна говорит со мной	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ешкин Серафим

Диана Пешкова

© Диана Пешкова, 2026

ISBN 978-5-0070-6025-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том 1: «Иллюзорный кофе и другие странности»

Глава 1, в которой я пью кофе и ни о чем не подозреваю

Вообще-то я психолог. Самый обыкновенный. Почти. Имея в активе диплом, удобное кресло (кушетку я так и не завела) и привычку заваривать чай покрепче, когда клиент решается поделиться чем-то особенно душераздирающим, я мало чем отличаюсь от коллег. В моей жизни всё, как у людей: ипотека, четырехлетняя Варя, вечная привычка откладывать покупку краски для волос на «потом».

Только вот есть деталь, о которой я молчу даже в ванной перед зеркалом, тщательно избегая собственного взгляда.

Я привыкла быть «негромким монохромом». Мой рост — метр семьдесят, идеальная высота, чтобы благополучно растворяться в тени, когда не хочется, чтобы тебя разглядывали. Светлые волосы, вечно стянутые в небрежный узел — у меня никогда не находится лишних десяти минут, чтобы договориться с этими непослушными прядями. Лицо овальное, с тонкими скулами, проступающими особенно остро в дни, когда я пропускаю обед из-за плотной записи. Но главное — глаза. Светло-голубые, миндалевидные, цвета предрассветного океана, в котором тонут даже самые отчаянные тайны. Я прячу их за стеклами очков, ибо люди пугаются, стоит мне посмотреть чуть глубже, чем того требует этикет. В этой привычке скрываться, наверное, вся моя суть. Или моё проклятие.

В тот день я пила кофе. Обычный напиток с молоком, налитый в мою любимую кружку — чуть треснувшую с краю, но оттого не ставшую менее дорогой. Варин подарок на день матери. Варе четыре, и она искренне считает, что кружка с единорогом — лучшее, что может случиться с человеком. Единорог — отличный союзник, когда имеешь дело с реальностью, где у каждого встречного есть не только биография, но и «интерфейс» из серых сущностей, вцепившихся в плечи.

Я смотрю на неё и думаю: она права. Четырёхлетние дети, ещё не научившиеся врать и забывать, ближе всех к истине. Они смотрят на мир и видят, как даже самый обыденный предмет обретает душу, стоит лишь в него достаточно сильно поверить. А потом мы вырастаем — и перестаём это замечать.

— Мама, смотри, — говорит Варя, протягивая пластилиновый комоч.

— Это зайчик. Он устал.

— Почему он устал?

— Потому что он много бегал, — она смотрит на меня серьёзно, наклонив голову набок.

— Он просто хотел найти свой дом.

Я беру зайчика — тёплого от её ладоней, податливого, и правда уставшего на вид.

— Пусть отдохнёт, — говорю я. — У нас есть место.

Варя кивает, возвращаясь к своему пластилиновому творчеству. А я смотрю на неё: на волнистые, светлые с русыми прядями волосы, ниспадающие на плечи; на ясные голубые глаза, смотрящие на мир с такой серьёзностью, будто она уже знает нечто, скрытое от меня; на мягкую, трогательную в своей естественности улыбку. Бледная кожа с нежным румянцем — она у меня светлая, как фарфор. И я чувствую, как внутри разливается что-то тёплое и тихое. Любовь, простая, без условий, без «если». Такая, какой она бывает, пока мы не научились её усложнять.

За окном — летнее марево. Жара, от которой даже воробьи попрятались в кустах, притихнув до лучших времён. Хочется арбуза — большого, холодного, чтобы есть его ложками, сидя на полу перед телевизором. Мечты у психологов, как видите, крайне скромные.

И тут — холод.

Представьте: на улице плюс тридцать, на мне лёгкое платье, Варя в одних трусах бежит по квартире — а у меня по позвоночнику пробегает ледяная струя. Будто кто-то, открыв дверь в морозильник, забыл её закрыть. Морозильник, находящийся в другом измерении.

Я ставлю кружку. Прислушиваюсь.

— Ну и кто там? — спрашиваю я у потолка.

Потолок, верный своей привычке, молчит. Но тяжесть, повисшая в воздухе, не уходит. У Вселенной есть пункт в расписании: «Доставить весть. Травматично, но эффективно». И мой номер, видимо, сегодня выпал в лото судьбы.

Я психолог. Ёшкин серафим, я должна верить в доказательную медицину, в когнитивно-поведенческую терапию и силу рационального мышления. Проблема в том, что я — проводник. Я вижу структуру реальности: смотрю на человека и понимаю, где у него «дырка» в энергетике, где стоит заплатка, а где сидит кто-то чужой, довольно жмурясь от моих попыток его заметить. Клиентов это лечит, мужа — бесило, но я привыкла. Я думала, это всё, что мне дано: чувствовать людей и иногда — чистить их поля.

Я помню себя в пять лет: я смотрела на прохожих и видела над ними свечение. Разное — у кого серое, у кого жёлтое, у кого чёрное, как смола. Я была уверена, что это видят все. В семь лет спросила у мамы, почему над дядей в автобусе такой грязный дым. Мама велела не выдумывать. Я замолчала и научилась не говорить, но видеть — не перестала.

Но то, что происходило по ночам последнее время, выходило за рамки привычного. Будто кто-то решил обновить мою внутреннюю систему, даже не потрудившись спросить согласия.

— Устала от тебя, — бормочу я, адресуя это пустоте. — Иди к другому, занимайся своими делами.

Но холод лишь наглее устраивается в углу, как незванный гость, решивший требовать чаю до самого рассвета. Я наливаю ещё кофе, пытаюсь отогнать дурные мысли, но за спиной, между лопатками, что-то настойчиво вибрирует. Это не нервы. И точно не профессиональная деформация. Крылья? Нелепость какая-то. Но, судя по тому, как дрожит воздух вокруг, — очень даже настоящая нелепость, отчаянно просящаяся наружу.

Пока — лето, жара, единорог на кружке, зелёный зайчик, покоящийся на ладони дочери. И я, всё ещё наивно думающая, что жизнь продолжит течь «как всегда».

Дорогой читатель, поверь, всё будет хорошо. В конце. А между началом и финалом нас ждет тот ещё аттракцион. Я психолог-проводник, в конце концов. Если я не справлюсь, тогда вообще непонятно, у кого из нас есть хоть какой-то шанс.

Глава 2 в которой я заболела

Я заболела.

Температура, подскочившая с такой пугающей внезапностью, будто кто-то грубо щелкнул невидимым тумблером, накрыла меня вечером того же дня. Горло распухло, превратившись в пылающий грецкий орех, ухо стреляло, заставляя видеть перед глазами разноцветные искры, а голос пропал — безвозвратно. Я открывала рот, пытаясь выдавить хоть какой-то звук, но из горла вырывалось лишь сиплое, надрывное шипение, напоминающее свист проколотого воздушного шарика.

Я лежала в кровати, бессмысленно уставившись в люстру: три плафона, один из которых неприятно пожелтел от времени. «Надо бы помыть», — промелькнула мысль, сработавшая как защитный механизм. Психологи называют это смещением: когда внутри всё рушится, мозг судорожно цепляется за пыль, за неглаженные рубашки, за капающий кран. Я называю это «давайте не будем о главном». А главное — ледяная пустота в груди. Я пила чай, но он казался лишь обжигающим кипятком, не способным согреть даже воздух вокруг меня. Казалось, где-то в моих легких поселилась зима, распространяющаяся по квартире с каждой моей попыткой вздохнуть.

Перед тем как уложить Варю, я с трудом, дрожащими пальцами, набрала мужу сообщение. Не имея возможности говорить, я надеялась хотя бы на то, что текст достигнет до него быстрее, чем слова.

«Купи, пожалуйста, лекарство. Горло болит, температура высокая. Что угодно, лишь бы стало легче».

Прочитав, он промолчал.

Я ждала. Минуту, две, десять... «Может, он уже едет в аптеку? Может, застрял в пробке?» — я цеплялась за эти мысли, как утопающий за дырявый плот. Мы всегда склонны придумывать оправдания тем, кого любим, даже когда реальность кричит об обратном. Верить — легче, чем признать крах. Ведь без этой иллюзорной надежды жить становится невыносимо страшно.

Варю, едва держась на ногах, я всё же уложила. Тело, превратившееся в кусок раскалённого свинца, слушалось с трудом. Она обняла меня, прижавшись горячей щекой — маленькие дети всегда так делают, словно чувствуя, где болит — и прошептала:

— Мама, поправляйся. Я буду тихо лежать.

«Тихо лежать». Моя дочь, обычно не засыпающая без трёх сказок, длинных разговоров о жизни и бесконечных просьб попить воды, сказала «тихо лежать». Священный ритуал, нерушимый, как закон природы, — и она отменила его ради меня. Просто обняла, прижалась и уснула, совершив свой маленький, незаметный подвиг. Я смотрела на её длинные ресницы, на разомлевшее во сне лицо и думала: вот она, чистая любовь. Не требующая ничего взамен. Просто «я рядом».

Я поцеловала её в лоб, поправила одеяло, и тут — поворот ключа в замке. Артём пришёл.

Шаги, прошелестевшие по коридору, были тяжёлыми и уверенными. На кухне послышалось шуршание пакетов, звон посуды. Я почувствовала такое острое, почти физическое облегчение, что едва не расплакалась. Сейчас он зайдёт, принесёт лекарство, коснётся моей руки, скажет: *«Ну что же ты, родная, сейчас всё исправим»*. Он ведь видел сообщение. Он знал, что мне плохо.

Я ждала пять минут. Десять. Полчаса. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это был первый звоночек, прозвучавший с такой громкостью, что его можно было принять за пожарную сирену. Но я, находясь в бреду при температуре под сорок, работала в аварийном режиме, отчаянно отрицая очевидное.

Я встала. Ёшкин серафим, не спрашивайте как. В такие моменты понимаешь: человеческий организм — крайне неэффективная конструкция, если у тебя внутри не хватает заряда батареи, чтобы заставить ноги идти, а волю — не сдохнуть на пороге. Я поползла по коридору, опираясь на стены, хватаясь за косяки, отдыхая на полпути, потому что ноги отказывались держать. Если бы кто-то, спрятавшись за углом, снимал это на видео, я бы точно победила в номинации «Самое жалкое зрелище года».

Доползла до кухни.

Он сидел за столом, уткнувшись в телефон. На экране кто-то смешно падал в бассейн — я слышала звук, похожий на нелепый хлопок.

Я вгляделась в него, надеясь найти хоть след сочувствия, хоть искру тепла, которая всегда пульсирует в поле живого человека. Но над его головой не колыхалось ни единого энергетического лепестка. Пустота. Идеально чистая, стеклянная пустота — самый страшный тип людей. Те, у кого внутри нет даже эха, чтобы откликнуться на чужую боль. Он был абсолютно, пугающе герметичен.

— Ты... купил... лекарства? — прохрипела я, едва шевеля губами.

Он поднял глаза. Спокойно, безразлично. Так смотрят на назойливую муху, мешающую смотреть смешные видео.

— Нет. Не купил.

Отвернулся. И засмеялся.

Я стояла в дверях кухни, в потрёпанной ночной рубашке, горячая, как свеча, и смотрела на человека, смеющегося над роликом, пока его жена едва дышит в двух метрах от него. Пакеты, принесённые им, оказались набиты едой. Для себя. Не для меня.

Я не заплакала. Наверное, потому что внутри стало так больно, что слёзы, не находя места, просто не помещались. Как в комнате, до отказа заставленной мебелью — уже не впихнуть ни стула.

Я развернулась и поползла обратно. В кровать к тишине, наступившей в доме.

Первый урок, преподанный мне жизнью, был усвоен. Это было больно, унижительно и совершенно не похоже на то, о чём писали в книгах по психологии. Но впереди, как я теперь понимала, меня ждала полная программа курса молодого бойца. И, кажется, у меня не было выбора, кроме как стать лучшей ученицей.

Глава 3, в которой я делаю выбор в пользу тишины

Артём существовал рядом, подобно пришельцу с другой планеты, случайно занесённому в нашу орбиту. Он не был злым — он был тотально, пугающе занят собой. Когда я просила о помощи, он лишь рассеянно кивал, не отрываясь от экрана телефона, и забывал о сказанном спустя минуту. Его равнодушие было не осознанной жестокостью, а ледяной стеной: он просто не допускал мысли, что мои проблемы могут требовать частицы его времени. «Потом, — бросал он, даже не поднимая глаз. — Я занят проектом». В его мире существовали лишь графики и цифры, а я со своей лихорадкой в них совершенно не вписывалась.

Я больше не просила. Гордость, очнувшись от долгой спячки, заняла оборону. Странная штука эта гордость: она приходит, когда всё внутри уже выжжено дотла, и с пафосом объявляет: «Теперь я буду тебя защищать». Спасибо, дорогая, но где ты была, когда я, разбитая, ползла по коридору, моля о глотке элементарного участия?

Варя лечила меня по-своему. Приносила книжки, гладила по волосам, шепча: «Мама, ты просто устала, сейчас я тебя подлечу». Она расставляла вокруг кровати свои игрушечные баночки и кубики, старательно копируя мои же движения, когда я провожу сеансы. Она не понимала, что со мной, но чувствовала: мама «нецветная» и грустная. Она не была мудрецом, она была просто напуганным ребенком, пытающимся вернуть привычный мир, играя в «доктора». Я глотала этот «лечебный воздух» и улыбалась. Не потому, что верила в игрушки, а потому, что её попытка защитить меня была единственным якорем, удерживающим от окончательного срыва.

На третий день температура, наконец, отступила, оставив после себя лишь звенящую пустоту в голове. Физическая слабость никуда не делась — ноги всё ещё дрожали, а в глазах темнело от каждого резкого движения, — но холодное осознание предательства оказалось действеннее любых антибиотиков. Адреналин, вспыхнувший в крови при мысли о том, что ждать помощи больше не от кого, буквально вытолкнул меня из постели.

На четвёртые сутки я поднялась, потому что оставаться в этой кровати, пропитанной запахом собственной беспомощности, стало невыносимо. Я долго стояла под ледяными струями душа, пытаюсь смыть остатки лихорадки. Посмотрела на себя в зеркало, ожидая увидеть нечто катастрофическое. Оттуда смотрела женщина — похудевшая, бледная, с тенями под глазами, будто её переехал каток. Но глаза... глаза были живыми. В них больше не было той наивной слепоты, что долгие годы застилала мой взгляд.

— Ну что, — сказала я своему отражению, не мигая. — Давай жить дальше.

Мой день рождения пришёлся на середину июля. Жара стояла невыносимая. Варя, сидя на полу, украшала комнату бумажными гирляндами. Она вешала их криво, на разной высоте, с трудом дотягиваясь до стены, но в этом было столько старания, что у меня перехватило дыхание. Я смотрела на неё и думала: «Хотя бы один человек в этом доме любит меня. По-настоящему. Без условий и театральных жестов».

Раздался звонок в дверь. Он пришёл с букетом роз. Огромным, перевязанным широкой лентой. Красиво. Дорого. Я смотрела на них и чувствовала не радость, а подступающий холод. Букет казался не подарком, а горьким упрёком. Ведь ещё вчера я умоляла его: «Артём, в машине надо поменять масло, мотор ревёт, я боюсь встать на трассе», — но тогда он не услышал. А сегодня он принёс розы, словно они могли заменить мою безопасность.

— С днём рождения, — сказал он, протягивая цветы с той улыбкой, которую обычно приберегал для демонстрации «идеальной семьи» перед друзьями. — Спасибо.

Я взяла букет. Розы пахли приторно-сладко, почти тошнотворно — так пахнут цветы на похоронах, когда их слишком много, чтобы скрыть пустоту.

— А масло? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Какое масло?

— В машине. Я же говорила вчера. Это критично.

— А-а, — он махнул рукой, даже не глядя на меня. — Потом. Сегодня твой день рождения, не начинай портить праздник.

Я стояла с розами в руках, чувствуя их вес, и вдруг всё встало на свои места. Он выбрал цветы, потому что это красиво. Потому что их видят все, их можно сфотографировать для соцсетей, ими можно купить мою лояльность здесь и сейчас. Масло — это невидимая, тихая забота. Масло — это «я помню, что тебе нужна безопасность». А цветы — это «я хочу, чтобы ты была благодарной, не требуя от меня лишних движений».

— Поставь их в воду, — бросил он, уходя к своему ноутбуку.

Я стояла посреди кухни, чувствуя себя так, будто меня погладили по голове и дали конфетку вместо ужина. Конфетка была сладкой, но ужин, которого я ждала — элементарного уважения к моей просьбе, — был мне нужнее. Я смотрела на эти розы, и они казались фальшивыми декорациями в театре, где давно уже не показывают ничего настоящего.

Варя подошла, понюхала розы и нахмурилась:

— Они не пахнут радостью, мама. У тебя глаза опять как будто плачут, хотя ты улыбаешься.

— Нет, что ты, зайка, — я натянула привычную улыбку, которая уже начала колоть изнутри. Варя не была провидцем — она была лишь четырехлетней, чья детская интуиция стала её единственной защитой от холода в нашем доме. Она видела эту фальшь острее, чем кто-либо другой. — Я просто устала.

— Хочешь, я нарисую тебе цветы? — спросила она. — Такие, какие ты любишь?

— Да, — выдохнула я. — Нарисуй.

Она нарисовала ромашки — кривые, разноцветные, с огромными стеблями, тянущимися к такому же кривому солнцу. «Это тебе, мама, потому что я тебя люблю».

Я повесила рисунок на холодильник. Думая о Варе, о её кривом зайчике, о рисунках, я чувствовала острый укол вины. Как психолог, я понимала: такое пронзительное внимание к моему состоянию — не признак «особой мудрости» ребёнка. Это тревожный симптом. Она была вынуждена повзрослеть раньше срока, чтобы просто выжить в этом эмоциональном вакууме. Я видела в её глазах не дар, а отражение собственного эгоизма, заставившего маленького человека стать терапевтом для своих родителей.

На следующий день я, не говоря ни слова, сама загнала машину в сервис. Парни-механики смотрели на меня с сочувствием: «Сами, девушка? А муж где?». Я лишь пожала плечами. Когда я ехала обратно, в машине играло радио, солнце заливало лобовое стекло, и я осознала: я справилась. Я села, поехала и сделала. Земля не разверзлась. Мир не рухнул. Наоборот, впервые за долгое время он стал понятнее.

Цветы, оставленные без внимания, завяли через три дня. Они поникли, лепестки опали на подоконник, превратившись в пыль. А рисунок Вари остался.

Артём вечером прошёл мимо холодильника, даже не взглянув на ромашки. Он не заметил ни засохших роз, ни новых рисунков, ни того, что я больше не жду от него ни звонков, ни помощи. Он видел только то, что хотел видеть.

И тогда я поняла: я больше не буду пытаться достучаться до человека, который смотрит сквозь меня. Мой выбор был сделан. Не громко, не с криками и битьём посуды, а тихо — внутри, в тот момент, когда я выбросила завядшие розы и оставила рисунок. Это был первый шаг к свободе, о которой я ещё боялась даже мечтать.

Глава 4, в которой время превращается в дёготь

Артём ушёл в конце августа.

Тот день был пропитан предчувствием осени: воздух стал суше, а солнце — длиннее и печальнее. Он собирал вещи неспешно, с какой-то пугающей, почти хирургической аккуратностью, словно готовился не к распаду семьи, а к заурядной командировке в другой регион. Я стояла в дверном проёме прихожей, наблюдая, как он методично укладывает кроссовки в пакет, и чувствовала, как внутри меня что-то немеет. Четыре года брака, общие счета, бессонные ночи над кроватью Вари, купленные на распродажах шторы — всё это сейчас сжималось до размеров двух пакетов из супермаркета и одной потрёпанной спортивной сумки.

— Не злись на меня, — бросил он, даже не обернувшись.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок — сухой, окончательный звук, отрезавший прошлое от настоящего. В квартире воцарилась тишина. Это была не та уютная тишина, когда все спят, а та, что возникает в помещении, откуда вынесли всю мебель: гулкая, пустая, звенящая пустота, в которой каждое моё движение казалось неуместным.

Варя была у моей мамы — я отвезла её в гости ещё утром, словно предчувствуя крах. Я осталась одна. Впервые за годы тишина была не даром, а пыткой. Она была такой плотной и громкой, что я, не выдержав, сползла на пол в прихожей и застыла, охваченная параличом. В голове пульсировала одна-единственная мысль: «Я не знаю, как жить дальше».

Первые два дня я не вставала с дивана. Время превратилось в дёготь — тягучее, вязкое, лишённое всякого смысла. Я смотрела в потолок до тех пор, пока не начала различать каждую микротрещину в побелке. Они складывались в замысловатые карты, в линии жизни, которые кто-то — высший или случайный — начертал прямо над моей головой.

На третий день позвонила мама.

— Как ты? — спросила она, и в её голосе дрогнуло что-то, чего я раньше никогда не слышала — настоящий страх за своего ребёнка.

— Нормально, — ответила я. Мой голос звучал чуждо, словно запись на старой кассете, случайно попавшая в эфир.

— Я приеду.

— Не надо, мам. Пожалуйста.

— Я приеду, — повторила она так, что я поняла: спорить — значит тратить последние крохи сил.

Она приехала с домашним супом, пахнущим детством и безопасностью. И с Варей. Дочь влетела в квартиру, как маленький ураган, с разбегу врезалась в меня и обхватила ноги, прижавшись горячей щекой к моим коленям:

— Мама, я соскучилась! Я тебя люблю!

И в этот момент бетонная плита, сжимавшая мою грудь, треснула. Маленькие руки, тёплые и живые, обнимали меня так крепко, словно пытались удержать от падения в бездну. Она смотрела снизу вверх — ясные, чистые глаза, в которых не было ни капли жалости. Только любовь. Чистая, не требующая объяснений и доказательств.

Я наклонилась, зарылась лицом в её волосы и заплакала. Не по Артёму. А по той простой истине, которую поняла только сейчас: всё, что мне нужно для спасения, уже здесь. Мама, стоявшая в дверях, тихо поставила кастрюлю на плиту.

— Солнце, я завтра заеду, — сказала она и ушла, оставив нас в тишине, которую уже не нужно было заполнять ложью.

На четвёртый день я пошла в душ. Стоя под струями воды, я впервые за эти дни почувствовала своё тело. А потом пошла на кухню. Сварила кофе, села за стол. И вдруг замерла с ложкой в руке.

Я поняла, что не знаю, сколько сахара класть. Сахар в кофе всегда клал Артём. Он делал это почти механически, с той уверенностью, которая меня когда-то подкупала: «Тебе две, как ты любишь». Я привыкла доверять ему даже такие мелочи, не задумываясь о собственных предпочтениях. А теперь, оставшись одна, я стояла над кружкой и не могла вспомнить: одна или две?

Вот так, оказывается, выглядит настоящий разрыв. Без драмы, без битья посуды, как в дешёвом кино. Ты просто просыпаешься утром, стоишь на кухне в полной тишине и понимаешь, что не помнишь сколько сахара класть в кофе. Ты настолько привыкла быть «частью», что забыла, как быть «целым».

Я зачерпнула ложку, помедлила и высыпала её в кофе. Сделала глоток. Слишком горько. А потом взяла сахарницу снова. В этот раз я положила ровно столько, сколько захотела сама.

Это был мой первый кофе за последние четыре года, вкус которого выбрала я.

Позвонила подруга.

— Приезжай, — сказала она.

— Не надо ничего говорить. Просто приезжай.

Я сидела у неё на кухне, глядя в окно. Мы молчали около часа. Она не пыталась «лечить» меня советами — она просто была рядом, согревая пространство своим присутствием.

— Ты не умрёшь, — сказала она наконец, глядя в свою кружку. — Тебе кажется, что это конец света, но это просто боль. Она пришла, погостит и уйдёт. Главное — не застревай в ней. Чувствуй, плачь, бейся головой об стену, если надо. Но не строй в этой боли дом.

Когда я уже стояла в дверях, собираясь уходить, она добавила:

— Когда мир рушится, ты — остаёшься. Не он. Ты.

Я шла домой, повторяя эти слова как мантру: «Я остаюсь. Я остаюсь».

Дома я отпустила няню. Варя уже спала, разметавшись по кровати. Я поправила ей одеяло, поцеловала в лоб. Она, что-то пробормотав во сне, перевернулась на другой бок. Живая. Тёплая. Моя.

Ночью я сидела на кухне, наедине с собой, и думала: странно. Варя спит, мама уехала, квартира затихла, а я всё ещё здесь. Я не развалилась на части, просто сижу и дышу. И это уже победа.

Глава 5, в которой я оказываюсь не в своей комнате

Варя крепко спала. Поцеловав её в тёплую, пахнущую детским шампунем макушку, я легла рядом. Долго смотрела в темноту, пока глаза, привыкнув, не начали различать привычные контуры: дверцу шкафа, стул с небрежно брошенными джинсами, силуэт настольной лампы. Обычный набор вещей, окружающих обычного человека. Только моя жизнь, доставшаяся мне в наследство от судьбы, давно перестала быть обычной.

Я закрыла глаза — и провалилась. Не в сон, где картинки сменяют друг друга, как в калейдоскопе, а куда-то ещё.

Вы когда-нибудь засыпали, внезапно осознавая, что не спите, но и не бодрствуете? Что находитесь в пограничном состоянии, где законы физики теряют свою власть, а время растягивается, как сырая резина? Это было оно. Состояние «между», расширившись до бесконечности, стало огромным, звенящим пространством.

Я открыла глаза. Я стояла на чём-то, что ощущалось как пол, но выглядело как застывший свет. Ослепительно-белое, сияющее, оно простиралось во все стороны, не имея горизонта. Вокруг царила тишина — не отсутствие звука, а присутствие самой жизни.

— Привет, — произнёс голос. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно. Я резко обернулась. Никого.

— Я здесь, — отозвался голос, мягко вибрируя где-то внутри грудной клетки. — Просто смотри.

И я увидела.

Я увидела себя со стороны. Это было пугающе и восхитительно одновременно — будто я отделилась от собственного тела, оставив его в кровати, и теперь смотрела в самую суть. У меня за спиной были крылья. Огромные, мощные, они светились не как электрическая лампочка, а как пульсирующее живое тепло. Будто кто-то, собрав весь свет, который я когда-либо видела — от первого рассвета до улыбки Вари, — сложил его за моей спиной, придав ему форму моей истинной природы.

Я подняла руку — крылья дрогнули, сбросив золотистую пыльцу света. Я повернула голову — они качнулись, подчиняясь моему намерению, точно так же, как рука или дыхание. Они не были «пришиты» к телу; они были естественным продолжением моей воли.

— Что это? — прошептала я, и голос мой прозвучал здесь странно, пугающе чисто.

— Ты, — ответил голос. — Та, кем была до того, как родилась. Та, кем станешь, когда вернёшься.

— Я... я ангел? — слова давались с трудом, спотыкаясь о реальность.

— Нет. Ты — архангел. Когда-то ты была просто светом. Потом выбрала тело. Согласилась прийти сюда, чтобы пройти через всё это: через боль, через потерю, через ледяную пустоту развода. Чтобы вспомнить, кто ты на самом деле. Чтобы другие, глядя на тебя, исцеляли свою собственную боль, даже не понимая, в чём источник их спасения.

Я смотрела на крылья — красивые, пугающе величественные — и вдруг поняла: они всегда были там. С самого раннего детства. Просто я, принимая их за игру воображения, думала, что все дети чувствуют за спиной нечто тёплое. Но нет. Не все. Моя «странность» имела имя, и это имя было вовсе не «невроз».

— А он? — спросила я, и мысль об Артёме отозвалась глухим эхом в этом сияющем пространстве. — Артём. Он знает?

— Он чувствует. Но не понимает. Пока.

— У него есть крылья?

— У всех есть. Просто большинство, прожив жизнь, так их и не замечает. Они слишком заняты тем, чтобы считать ложки сахара в кофе.

Голос умолк. А я стояла, чувствуя, как крылья пульсируют, дыша в такт со мной. И тут я подумала о Варе. О её кривом зайчике, о рисунках, о том, как она, обнимая меня, шепчет: «Я с тобой».

Крылья дрогнули — мощный поток света хлынул по спине, наполняя меня силой, которой я никогда не знала. Я понимала: это только начало. Я, не осознающая и половины того, что должна постичь, стояла на пороге огромной тайны. Но одно знала точно: я не просто психолог. Не просто мама. Не просто женщина, оставленная мужем. Я — Анна. У меня есть крылья. И я начинаю вспоминать, как ими пользоваться.

Разумеется, в голове моментально всплыл десяток профессиональных диагнозов: от последствий нервного истощения до посттравматического бреда. «Это просто психосоматика, — твердила я себе, глядя на пустую комнату, где воздух, казалось, вибрировал от странного напряжения. — Ты не спала трое суток, вот мозг и пытается сгенерировать хоть какой-то смысл в хаосе твоего развода». Но голос, прозвучавший не снаружи, а где-то на самой границе моего сознания, наотрез отказывался укладываться в рамки привычной доказательной медицины.

Я проснулась утром — в своей комнате, под старым одеялом. Варя уже возилась в кровати, напевая что-то про белочку. Солнце пробивалось сквозь шторы, играя в пылинках. За спиной было странное, почти щекочущее ощущение тепла, которого там никогда раньше не было. Я улыбнулась, потянулась, чувствуя удивительную лёгкость в плечах, и пошла варить кашу. Настоящую, тёплую, самую важную кашу на свете.

Похоже, скучно не будет.

Глава 6, в которой я знакомлюсь с куратором и он предлагает мне иллюзорный кофе

На вторую ночь я уже ждала. Уложив Варю, долго сидела в темноте, слушая её ровное, доверчивое дыхание. Поцеловала в тёплую макушку, выключила свет и легла, вглядываясь в потолок. «Ну, давай, — подумала я, закрывая глаза. — Где там мои крылья? Пора просыпаться».

Я провалилась в сон мгновенно, быстрее, чем успела моргнуть.

В этот раз пространство, встретившее меня, было иным. Никакой белой пустоты, никакой дезориентации. Я стояла в коридоре, который казался бесконечным, но при этом уютным, словно старая библиотека. В самом конце — единственная дверь из тёмного дерева. Я толкнула её, чувствуя лёгкое волнение, будто вхожу в кабинет к строгому профессору, от которого зависит вся моя дальнейшая жизнь.

Кабинет оказался небольшим, почти аскетичным: рабочий стол, два стула и стеллаж с книгами, названия которых ускользали, стоило сфокусировать взгляд на корешках. За столом сидел мужчина. Ни крыльев, ни нимба, ни того величественного сияния, которого я, грешным делом, ожидала. Обычные очки в тонкой оправе, уютный шерстяной свитер, спокойный, глубокий взгляд человека, видевшего всё, но ничему не удивляющегося.

— Садись, Анна, — он кивнул на свободный стул. — Кофе не предлагаю — здесь всё иллюзорно. Но если хочешь для порядка, могу сделать вид, что заварил.

Я попыталась вообразить этот «виртуальный» кофе, надеясь, что горячая кружка в руках вернёт меня в привычную колею. Но всё было тщетно. Рациональная часть меня — та самая, что годами привыкла доверять только фактам и протоколам, — билась в конвульсиях, яростно отрицая происходящее.

— А настоящий? — спросила я, садясь и чувствуя, как реальность кабинета странно подстраивается под меня.

— В твоём мире — да. Здесь — лишь иллюзия, созданная нами за миллионы лет тренировок. Мы учимся имитировать материю так же легко, как вы учитесь дышать.

Он смотрел на меня тепло, почти отечески. Так смотрят на давнего знакомого, встреченного спустя годы разлуки.

— Объясни мне, — голос мой дрогнул. — Ты сказал, что я — архангел. Но посмотри на меня. Я — психолог, который сам едва держит голову. Я — мать, пытающаяся скрыть от дочери, что её папа ушёл. Я — женщина, брошенная мужем, до сих пор по привычке варящая кофе на двоих. Как это всё сочетается в одном теле? Разве божественность — это не про свет и вечность? Почему я чувствую себя такой... сломанной?

Он улыбнулся.

— А это, Анна, одно и то же. Твоя работа — проходя через боль, выходить из неё целой.

— То есть моя профессиональная деформация — это кармическая задача? — я нервно усмехнулась.

— «Ты сходишь с ума», — шептал внутренний голос. — «Это обычная галлюцинация».

Но другая, пугающе живая часть меня отзывалась на это присутствие с какой-то извращённой, нелогичной готовностью. Верить в «кураторов» и архангельские сущности? Это было так же нелепо, как пытаться лечить пневмонию заговорами. И всё же, отрицать очевидное — то, что я чувствовала каждой клеточкой, — становилось всё труднее.

— Ты — маяк, — продолжил он, не обращая внимания на мой скепсис. — А маяки, стоящие на острых скалах, никогда не знают покоя. Твоя боль — это не сбой программы, это твоё топливо.

— Красиво, — прошептала я, чувствуя ком в горле. — И страшно.

— Правда, приходящая к нам, часто бывает такой.

Я пробовала всё: дыхательные практики, медитации на заземление, даже старую добрую технику «здесь и сейчас». Я доказывала самой себе, что этот «куратор» — лишь плод моего расщеплённого сознания, способ психики сбежать от невыносимой реальности ухода Артёма. Но когда в ответ на мои доводы «куратор» привёл факт из моего прошлого, о котором не мог знать никто, я поняла: спорить бесполезно. Я приняла это не потому, что вдруг поверила в чудеса, а потому, что реальность вокруг меня необратимо изменилась, и мой привычный инструментарий психолога здесь оказался кучей бесполезного лома.

— А Артём? Он знает, кто я? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в руках.

— Чувствует. Но не знает. Его душа помнит тебя, она кричит, пытаясь достучаться до физического тела. Но тело, испугавшись масштаба твоей любви, закрылось, как панцирь.

Мы говорили долго. О сделках с самим собой, о некротическом процессе духа, о том, что я могу только отпускать. Когда он замолчал, я поняла, что в моей голове больше нет места для медицинских справочников.

— Сколько ещё это будет длиться? — спросила я, когда он подошёл к окну, выходящему в застывший сад.

— До марта. Когда боль, уменьшившись до размеров напёрстка, перестанет иметь значение. Когда ты, наконец, перестанешь ждать «возвращения» и начнёшь просто жить.

— Март, — повторила я, пробуя слово на вкус, как горькое лекарство.

— Да. А пока — иди, Варя проснётся через час.

Я вынырнула.

Комната встретила меня густой, почти осязаемой темнотой. Слышалось ровное дыхание Вари. Я лежала, уставившись в потолок, и думала: «Март». У меня есть время до весны, чтобы научиться быть собой, а не «половинкой» кого-то другого.

Ёшкин серафим.

Хорошо, что иллюзорный кофе не пришлось пить. А то от него, даже ненастоящего, у меня наверняка была бы бессонница. Я закрыла глаза, и впервые за долгое время сон был глубоким, без картинок.

Глава 7, в которой я знакомлюсь с монстром и он мне не нравится

— Завтра будем разбирать твоего монстра, — сказал куратор, прощаясь в конце нашей ночной беседы.

Я не придавала этому значения. Ну монстр и монстр. Я психолог, я проводник — за свою практику, насмотревшись всякого, я уже почти ничего не боюсь. У одной клиентки, страдавшей от тяжёлых панических атак, в сердечной чакре сидела сущность, напоминающая спрута — она цепко держала её за эмоции. У другого, жалующегося на постоянный ком в горле, чёрный сгусток блокировал возможность произнести правду. Я, чистившая и запечатывавшая подобные вещи, считала это просто «рабочей рутинной». Но я не подозревала, что встреча с моим собственным монстром станет совсем иной историей.

В ту ночь, провалившись в сон, я оказалась не в уютном кабинете куратора.

Зал — огромный, ослепительно белый и пустой — встретил меня звенящей тишиной. Посередине, сжавшись в комок, стояла я. А напротив — ОНО.

Если вы, читатель, никогда не видели демона — и не надо. Это не рога и копыта, не красное чудище из дешёвых мультиков. Это тьма, принявшая форму. И эта форма, глядя на тебя, просто ждёт.

Оно походило на чёрную смолу — текучую, живую, непрерывно перетекающую из одного состояния в другое. Оно пульсировало, будто дышало, и, казалось, заполняло собой половину пространства, давя на меня своей вязкой тяжестью.

— Познакомься, — раздался голос куратора, появившийся где-то справа. — Это твоя Первозданная Тьма. То, что ты бережно взращиваешь внутри себя после расставания с Артёмом.

— Моя?! — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё заледенело.

— Твоя, — сухо подтвердил он.

Я смотрела на эту массу, чувствуя, как она странным образом отзывается во мне. Где-то внизу живота, там, где живут самые глубинные страхи, шевельнулось что-то до боли знакомое. Оно откликалось на каждый мой удар сердца.

— Красавец, — ядовито бросила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. — Прямо мечта поэта.

— Он рос, питаясь твоей болью, — продолжал куратор. — Каждый раз, когда ты плакала — он увеличивался. Когда надеялась, что Артём вернётся — крепчал. Когда, обессилив, шептала себе: «Может, я что-то делаю не так?», — он урчал от удовольствия.

— Он урчал? — переспросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Метафорически.

Чёрная масса, словно почуяв моё внимание, медленно вытянула щупальце и потянулась в мою сторону. Я инстинктивно отпрянула.

— Не бойся, — сказал куратор. — Здесь ты сильнее, просто пока не осознаёшь этого. Ты — та, кто это вырастила, ты — та, кто может это уничтожить.

Я всмотрелась в чёрную поверхность монстра и вдруг увидела: тьма была слоистой, как пережжённый пирог. И начинкой, скрытой глубоко внутри, была моя боль. Первый слой — обида, ввевшаяся в самое нутро. Второй — унижение, пропитавшее каждую клетку тела. Третий — липкий страх, сковывающий движения. Четвёртый — чувство вины, грызшее меня по ночам. Пятый — отчаяние, заполнившее меня до краёв, до самого горла.

Каждый этот слой был создан мною. Я поливала их слезами, кормила бесконечными мыслями о «счастливом прошлом» и взрастила этого монстра в собственной груди.

— Это не Артём сделал, — сказала я тихо, осознание накрыло меня, как ледяная волна. — Это сделала я.

— Артём стал спичкой, — голос куратора стал мягче. — Он поднёс огонь, но костёр, разгоревшийся после, ты поддерживала сама.

— Значит, я могу его потушить? — Да. Просто посмотри на него глубоко, до самого дна. И скажи себе ту правду, которую ты так долго прятала даже от самой себя.

Я посмотрела. Туда, где было больнее всего, где корни этого монстра, уходящие глубоко в моё подсознание, переплелись с моим естеством. Я начала говорить, и слова давались с трудом, будто я вырывала их из собственного сердца:

— Я не виновата. Я сделала всё, что могла, и имею полное право остановиться. Я любила, я боролась, я отдавала всё, но я имею право на покой. Я надеялась до последнего вздоха, но теперь я имею право отпустить.

Чёрная масса дёрнулась, заволновалась, словно кипящая смола, и на глазах начала уменьшаться. Чуть-чуть, почти незаметно, но я видела — она сдалась под напором моей искренности.

— Прогресс, — констатировал куратор. — Завтра, когда вернёшься сюда, продолжай.

Я вынырнула из сна в холодную темноту своей спальни. Тяжело дыша, я чувствовала: там, где раньше, давя, висела мёртвая тяжесть, стало легче. На миллиметр, на песчинку, но легче.

Варя во сне повернулась и тихо позвала: — Мама...

Я поправила ей одеяло. Поцеловала в лоб, пахнувший детским шампунем и чистыми снами. В моём животе, свернувшись калачиком, всё ещё жил монстр размером с чемодан. Но я уже знала — завтра я вооружусь правдой. И я превращу этого монстра в обычную ручную кладь, которую оставляю на перроне своей новой жизни.

Глава 8, в которой я знакомлюсь с Теей и Кришна говорит со мной

Прошла неделя.

Демон, уменьшившись до размеров злобного хомяка — дерзкого, кусачего, но уже не вселенского масштаба — напоминал о себе редко. Я научилась его приструнивать: работала, принимала клиентов, улыбалась Варе. По утрам, заваривая кофе, я думала о том, что внутри меня по-прежнему идёт война, но я, кажется, научилась воевать, параллельно моя посуда. Я больше не боялась.

И тут написала Тея.

Я знала её давно: мы пересекались на профессиональных семинарах, здоровались, обменивались дежурными фразами. Она всегда производила странное впечатление — вроде бы говорит с тобой, но слушает кого-то другого, находясь здесь не полностью. Позже я узнала: она — ченнелер, проводник, умеющий «отключаться» от реальности и впускать высшие вибрации.

«Приезжай, — коротко написала она. — Есть разговор».

Я приехала. Её квартира, оказавшаяся до зевоты обычной, успокоила меня. Никаких тебе благовоний, пыльных кристаллов или алтарей с позолоченными статуями. Только диван, фикус на подоконнике и кружки, которые явно не мыли с самого утра. Если бы я, войдя, увидела здесь что-то кричаще-мистическое, я бы развернулась и ушла. А фикус внушал доверие.

Тея сидела на диване, поджав ноги, одетая в растянутый свитер. Волосы, собранные в небрежный пучок, делали её похожей на обычную женщину, чья главная забота — сходить в магазин за хлебом.

— Рассказывай, — сказала она, глядя мне прямо в глаза.

Я рассказала. Всё: начиная с холода в углу и заканчивая крыльями, проснувшимися за моей спиной. Про странную температуру в комнате, про смех на кухне, про Артёма, про вязкий дёготь внутри и про того демона, что теперь живёт в моём животе.

Тея слушала, не перебивая, лишь иногда закрывала глаза на пару секунд, будто сверяясь с кем-то невидимым. Когда я закончила, повисла тишина.

— Я не буду говорить от себя, — сказала она наконец. — Хочешь — открою ченнелинг. Но ты должна понимать: это буду не я. Ты готова?

Я кивнула, хотя понятия не имела, что это значит. В голове рисовались картинки из фильмов: закатывания глаз, падения на пол, гримасы одержимости. Но Тея просто выдохнула, прикрыв веки — и открыла их снова.

Всё. Никаких спецэффектов. Просто взгляд, ставший другим — глубже, спокойнее, древнее. Как будто в комнате, наполнившейся густым воздухом, стало легче дышать.

— Анна.

Голос, принадлежавший Тее, зазвучал иначе. Интонации стали текучими, как вода, проникая прямо под рёбра.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она.

— Кришна? — шёпотом уточнила я.

Она улыбнулась — не губами, а всем пространством, заполняющим комнату.

— Я был с тобой всегда. До того, как ты родилась, до того, как выбрала этот путь. Ты, когда была светом, знала меня. А став человеком, ты забыла.

Я молчала. Это было странно. И при этом — до дрожи знакомо. Как музыка, которую не слышал сто лет, но стоит ей зазвучать — и тело, вспомнив каждую ноту, отзывается болью и восторгом одновременно.

— Артём... — голос продолжал течь. — Ещё до рождения ваши души узнали друг друга. В пространстве, где нет страха и времени, одна душа согласилась уйти раньше, чтобы освободи-

дить путь другой. А твоя приняла урок отпустить, смирения и любви без обладания. Даже если человеческому сердцу это кажется несправедливостью.

— Но почему он, придя в этот мир, стал таким? — я не могла сдержать горечи.

— Потому что, воплощаясь в материи, душа покрывается майей — иллюзией разделённости. Здесь каждому дана свобода воли. До рождения он тянулся к свету, но, оказавшись среди боли, страха и желаний, позволил тьме войти в своё сердце. Он решил не чувствовать, чтобы не страдать. Но человек, отрезавший себя от боли, неизбежно отрезает себя и от любви. Он мёртв, Анна, хотя продолжает ходить по земле.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Я думала — он счастлив без меня. А он, оказывается, просто заперся в ледяном склепе собственного равнодушия.

— Что мне делать?

— Отпускать. Не одним рывком, а постепенно, как дерево осенью отпускает листья. Сначала — прикосновения, за которые держится память тела. Потом — голос, живущий внутри твоих мыслей. Потом — образ человека, созданный твоими надеждами. И однажды ты отпустишь даже боль, потому что поймёшь: она была лишь мостом к самой себе.

— И когда я закончу?

— Когда перестанешь считать дни до исцеления. Знай: к марту твоя душа станет тише. И в этой тишине ты впервые встретишь не потерю, а себя настоящую. Ничто из прожитого не было напрасным. Даже разбитое сердце иногда становится дверью, через которую человек входит в собственное пробуждение. Живи, Анна. Позволяй себе чувствовать — ибо через чувства душа познаёт себя.

Глаза Теи моргнули, взгляд снова стал обычным. Она потянулась, поморщилась и улыбнулась.

— Ну как?

— Странно. Хорошо. Страшно, — честно ответила я.

— Ага, — кивнула она. — К себе настоящей привыкают долго. Это, как ни странно, самое сложное. Будешь печенье? У меня есть «Юбилейное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.